Цзян Ехун шагал так быстро, что Жун Жо приходилось бежать, чтобы не отстать. Заметив это, Цзян тут же замедлился.

— Ты не устал? Если нужно, можем передохнуть… я ничего такого не имел в виду, просто… просто…

Жун Жо мягко улыбнулся:

— Я в порядке. Спасибо, старший брат Чу, за заботу. Если мы быстрее разберемся с этим делом, то и отдохнуть сможем пораньше. Однако теперь, когда в деле замешан внебрачный сын принца-консорта… Хорошо, если У Юй ни при чем, но если он замешан — боюсь, возникнут трудности.

Цзян Ехун и сам чувствовал, как начинает болеть голова. С сильными мира сего связываться всегда опасно, но страха перед ними он не испытывал.

— А-Жо, вспомни дело медицинской лавки семьи Гу. Семь лет назад многие горожане добровольно шли свидетельствовать, но в итоге всё спустили на тормозах. Гу Цзишэн отчаялся и покончил с собой, а такое крупное преступление просто замяли. Как думаешь, могла ли У Хуэйюнь ради спасения собственной шкуры пригрозить поместью Унань-вана или самому принцу-консорту, раскрыв правду о происхождении У Юя? Только так можно объяснить, почему тогда всё утихло.

— Твои рассуждения логичны, — кивнул Жун Жо. — Это объясняет, почему У Хуэйюнь и Фу Юдао вышли сухими из воды.

За разговором они незаметно дошли до Аллеи Люцзя. Это было одно из самых злачных и захудалых мест столицы: здесь ютились бедные крестьяне и попрошайки. Цзян Ехун инстинктивно вышел вперед, закрывая собой Жун Жо — ему казалось, что нищие провожают юношу недобрыми взглядами.

— Вон тот дом, — указал Жун Жо.

Дверь была приоткрыта. Все знали, что в Аллее Люцзя царит беззаконие, и оставлять дом незапертым, если ты У Юй, было верхом беспечности.

Цзян Ехун толкнул створку:

— У Юй!

Во дворе было пусто. Несмотря на ветхость, здесь царил идеальный порядок — видно было, что в доме прилежно убирались. Внезапно Жун Жо прикрыл нос рукой — его захлестнуло тяжелое, удушливое предчувствие. Его едва не вывернуло наизнанку. Это ощущение невозможно было

спутать ни с чем. Он крепко схватил Цзян Ехуна за руку:

— Старший брат Чу, нам нужно…

Хруст.

Звук донесся из глубины дома. Это был сухой, резкий скрежет, будто кто-то с силой разминал затекшие суставы. Цзян Ехун тоже почувствовал неладное. Он мгновенно задвинул Жун Жо себе за спину и выхватил меч.

Хруст.

Снова этот жуткий звук. От него по коже пробежал мороз. Цзян Ехун напрягся всем телом; он не боялся опасности, но до дрожи боялся не суметь защитить Жун Жо.

— Кто здесь?! Выходи, нечего паясничать!

Дверь медленно отворилась. В проеме показалась иссохшая фигура. Лицо незнакомца было испещрено бесчисленными швами, словно у грубо сляпанной куклы, но эти стежки, впивающиеся в живую плоть, выглядели пугающе настоящими. Руки его были туго обмотаны бинтами. Цзян Ехун впервые видел нечто подобное — он не мог понять, человек перед ним или марионетка. Существо чуть наклонило голову набок.

Хруст.

Так вот что это был за звук. У Цзян Ехуна зачесался затылок от омерзения.

— Что это за тварь такая?

Жун Жо опустил глаза, в глубине его зрачков на мгновение вспыхнул фиолетовый свет.

— Это живая марионетка.

— Что?! — Цзян Ехун не успел договорить.

Глаза марионетки — ледяные, пустые, неотличимые от стекляшек куклы — едва заметно дернулись. Тварь рывком вскинула руку и в мгновение ока оказалась прямо перед Цзян Ехуном, стремительно, точно порыв ветра. Цзян инстинктивно рубанул мечом. Лезвие ударилось о предплечье существа, словно о камень. Он попытался ударить ногой, целя в нижний уровень, но встречный удар кулака пришелся ему прямо в левое плечо.

Цзян Ехуна отбросило назад. Левая рука вмиг онемела, будто её и не было — кость словно превратилась в крошево под ударом железного лома.

— А-Жо, беги! — выдохнул он сквозь зубы.

Превозмогая вспышку боли, он попытался схватить упавший меч, но марионетка призраком возникла рядом. Жесткие, неживые пальцы сомкнулись на его горле, и Цзян Ехуна подняли в воздух. Он беспомощно забился в стальной хватке, точно пойманный цыпленок, тщетно колотя по твердым, как дерево, рукам твари.

— А-Жо… скорей… беги…

В глазах потемнело, сознание начало ускользать. Горло вот-вот готово было лопнуть.

— Ищешь смерти! — это было последнее, что он услышал. Голос был холодным, властным и полным ярости. Перед глазами окончательно поплыло, и Цзян Ехун провалился в темноту.

***

Живую марионетку отшвырнуло к стене с такой силой, что по штукатурке пошли трещины. Глаза Жун Жо светились ярким пурпуром, а в руках заплясали бесчисленные невидимые нити.

— Тронул моё… значит, и впрямь смерти ищешь!

Жун Жо развел пальцы, и марионетку вскинуло вверх, словно на дыбе.

— Редкий экземпляр. Столь качественная работа встречается нечасто. Где твой хозяин?

— Хе-хе-хе… Мастер марионеток? Надо же, встретил коллегу по ремеслу, — раздался вкрадчивый, леденящий душу голос с крыши.

На коньке сидел мальчишка лет десяти, но в его взгляде сквозило такое чистое, концентрированное зло, что кровь стыла в жилах. На всех десяти его пальцах висели колокольчики, а правую щеку покрывала татуировка в виде черного паука.

Жун Жо сжал кулак, и тело марионетки внизу скрутило в узел.

— Коллегу? Ты смеешь называть себя моим коллегой?!

Одним резким движением кисти Жун Жо затянул нити — голова марионетки отделилась от туловища и покатилась по земле, остановившись у его ног. Жун Жо наступил на нее, глядя на

мальчишку сверху вниз:

— Ты — всего лишь мусор.

— Ах ты паршивец! Ты посмел испортить мою куклу! Я сделаю марионетку из тебя!

Тысячи невидимых нитей сплелись в сеть и бросились на Жун Жо. Тот лишь презрительно фыркнул, даже не поведя бровью.

— Попробуй, если силёнок хватит.

Легкий взмах руки — и сеть рассыпалась в прах, не задев ни единого волоска на голове юноши. В следующее мгновение нити самого Жун Жо оплели руки и ноги врага. Стоило Жун Жо шевельнуть пальцем, как мальчишку сорвало с крыши и впечатало в землю. Жун Жо наклонился к нему, вглядываясь в лицо:

— Говори. Кто ты такой?

Взгляд мальчишки встретился с фиолетовыми глазами Жун Жо, и его воля мгновенно надломилась. Сознание помутилось, точно в глубоком трансе.

— Я — А-нань, кукольник из Западного края… Пришел за Изумрудным цилинем.

— За Изумрудным цилинем? — переспросил Жун Жо.

— Поговаривают, их пара. Один в Мяоцзяне, другой — у правящего рода Западного края. Супруга Унань-вана была западной принцессой, и в её приданом был этот цилинь. После смерти сына Унань-ван отдал его внебрачному внуку… Я пришел узнать, где он прячет сокровище.

Жун Жо держал А-наня в стальной ментальной хватке:

— И ты нашел его?

— Нет… У этого У Юя ничего нет. Информация была ложной, — пробормотал А-нань.

— Кто дал тебе наводку? На кого ты работаешь?

— Приказ хозяина…

Снаружи послышались торопливые шаги.

— Вы уверены, что это здесь?

«Проклятье, кто-то идет», — мелькнуло в голове Жун Жо. Он посмотрел на А-наня и холодно скомандовал:

— Забудь всё, что здесь произошло. Немедленно беги!

Едва прозвучали эти слова, А-нань словно очнулся от кошмара. Он кубарем скатился в сторону и в мгновение ока запрыгнул на крышу. Из-за ворот выскочили люди с жетонами поместья Унань-вана. Увидев чужака, они выхватили клинки, но А-нань уже скрылся из виду.

Жун Жо мгновенно упал рядом с бесчувственным Цзян Ехуном. На его плече зияла глубокая рана. Стражники бросились осматривать пострадавших, а их предводитель вбежал в дом, но тут же выскочил обратно, согнувшись в приступе рвоты.

Внутри, подобно сломанной кукле, висел У Юй. Из его глаз, носа и ушей текла кровь. Тело выглядело жутко, оно всё еще мерно раскачивалось на веревке, нагоняя ужас.

***

Цзян Ехун пришел в себя от невыносимой боли. Казалось, плечо раздробили в мелкую щепу. Он попытался сесть, но резкая судорога заставила его застонать.

— Глава Чу, Глава Чу! Не двигайтесь, — к нему подбежал Хо Ча, вид у него был крайне встревоженный. — Лекарь сказал, кость повреждена, вам нужен полный покой.

Цзян Ехун, покрывшись холодным потом, с трудом выдавил:

— Где… А-Жо?

Хо Ча указал на соседнюю койку:

— Получил удар в спину. Рана глубокая, но жизни ничего не угрожает, так что не волнуйтесь. Но скажите мне, Глава Чу, что там стряслось? Вас с А-Жо доставили в Ямэнь люди Унань-вана.

Цзян Ехун, превозмогая боль, дотянулся до руки Жун Жо. Она была теплой. Пока он не увидел юношу живым, на душе было неспокойно.

— Насколько всё серьезно?

— Крови потерял порядочно, вся одежда на спине была алой, — вздохнул Хо Ча.

Цзян Ехун сокрушенно сжал кулак. Когда он почувствовал опасность, нужно было немедленно уводить А-Жо. Если бы с ним что-то случилось, он бы до конца своих дней не простил себе этой ошибки.

— Глава Чу! Унань-ван прибыл. Хочет видеть вас, — крикнул от двери Чжао Чэнь.

Бережно поправив одеяло Жун Жо, Цзян Ехун вышел навстречу гостю. Гадать не приходилось — случилось что-то с У Юем, и предчувствие шептало, что добрых вестей ждать не стоит.

Унань-вану, Цуй Хаожаню, было пятьдесят пять. В молодости он был грозным воином, закаленным в сотнях сражений, и даже сейчас, в преклонном возрасте, он напоминал старого тигра — одного взгляда хватало, чтобы поджилки затряслись.

Цзян Ехун поклонился:

— Приветствую Унань-вана.

В этой жизни самым высоким чином, который он видел, был правитель столицы, но величие такого человека, как Цуй Хаожань, он ощущал впервые. Сердце невольно забилось чаще.

Цуй Хаожань пристально оглядел его:

— В Ямэне говорят, что после того покушения ты стал совсем другим человеком. Вижу, не врут.

Цзян Ехун не решался заговорить первым, боясь выдать себя. В голове вихрем неслись мысли: «Неужели Чу Фэй и Унань-ван были знакомы?» Взгляд старика был острым, как бритва, казалось, он видит человека насквозь.

Цуй Хаожань вздохнул:

— Чу Фэй, ты обещал мне расследовать смерть моего сына. Перед тем нападением ты сказал, что напал на след и тебе нужно лишь кое-что подтвердить. Я ждал вестей, но узнал, что тебя ранили на Южной главной улице. Я хотел навестить тебя, но дела задержали…

У Цзян Ехуна выступила испарина на лбу. Значит, прежний Чу Фэй расследовал смерть наследника поместья? Возможно, покушение на него было напрямую связано с этим делом.

С трудом сохраняя самообладание, Цзян ответил:

— Не скрою от вас, Ваше Высочество… после той ночи я многого не помню. Странно это всё, но…

Он не знал, поверит ли старый воин в такую нескладную ложь, но это было единственное оправдание.

Цуй Хаожань не стал допытываться.

— Раз даже на тебя подняли руку, значит, в смерти моего сына действительно кроется какая-то тайна. Чу Фэй, я прошу тебя продолжить расследование. Ты согласен?

Отказываться было нельзя.

— Будьте покойны, Ваше Высочество. Это дело касается и меня лично. Я приложу все силы, чтобы узнать правду. Однако я должен кое-что уточнить…

Цуй Хаожань, казалось, ждал этого вопроса.

— Чу Фэй остается собой — ни слова без дела. Ты хочешь спросить про У Юя, верно?

Цзян Ехун выдавил слабую улыбку:

— Да. Прошу вас, скажите как есть. Был ли У Юй сыном наследника…

Цуй Хаожань ответил без тени сомнения:

— Был. Это грех молодости Цуй Ина. Теперь, когда сына нет, я хотел официально признать внука. Принцесса была не против, но парень заупрямился. Я не стал неволить, решил — пусть живет как знает. Думал, со временем, когда станем общаться чаще, он оттает… Но, увы…

http://bllate.org/book/17428/1663118